Мария Лесная

ИЗМЕНА
Я любила ЗА ДВОИХ

Я думала, что мы переживаем трудные времена. Оказалось, трудные времена переживала только я.

Мария Лесная

Измена. Я любила за двоих

https://litres.ru/74638794
SelfPub; 2026

Аннотация

Двенадцать лет я была идеальной женой. Верила, прощала, спасала наш брак и отдавала последнее, чтобы у мужа всё было хорошо.

Всё рухнуло в одну ночь. Фотография мужа с другой женщиной стала началом кошмара, в котором каждая новая правда оказывалась страшнее предыдущей. Он изменял мне. Лгал мне. Но самое ужасное — кто-то намеренно подставил меня, и теперь я могу потерять не только мужа, но и всё, что принадлежало мне по праву.

Мария Лесная
Измена. Я любила за двоих

Глава 1. Двенадцать лет

Анна Соколова всегда считала, что годовщина свадьбы — это не просто дата в календаре, а тихая, почти священная точка отсчёта, в которой прошлое встречается с настоящим и позволяет заглянуть в будущее. В этот день двенадцать лет назад она стояла в лёгком кремовом платье в полупустом зале ресторана, где они с Максимом отмечали скромную свадьбу, и держала его за руку так крепко, словно пыталась удержать само время. Тогда он ещё не был успешным предпринимателем, у него не было дорогих часов и безупречного галстука, зато в его взгляде светилась такая ошеломляющая нежность, что Анна готова была идти за ним куда угодно — даже в тесную съёмную квартиру на окраине, даже в долги, даже в неизвестность.

Сейчас, стоя у широкого окна в гостиной их просторного дома, она смотрела на то, как вечерний свет заливает аккуратно подстриженный газон, и думала о том, что за эти годы они построили не просто семью, а целую вселенную, в которой каждый предмет имел свою историю. Вот этот диван, обитый мягкой серо-зелёной тканью, они выбирали вместе после того, как Максим подписал первый крупный контракт. Вот на полке — фотография в деревянной рамке, сделанная

в тот день, когда они узнали, что его компания наконец выходит в плюс. Анна помнила, как он тогда схватил её на руки и закружил по комнате, а она смеялась и просила остановиться, потому что у неё кружилась голова — не столько от быстрого движения, сколько от счастья.

Она достала с верхней полки старый альбом в потёртой кожаной обложке и бережно раскрыла его на первой странице. С фотографий на неё смотрели двое — молодые, немного неуклюжие, но такие искренние, что сердце сжималось от сладкой боли. Вот они на пикнике в парке, где Максим впервые признался ей в любви, запинаясь и краснея, как мальчишка. Вот их первый совместный отпуск — дешёвый отель на побережье, где они спали под тонким одеялом и просыпались от криков чаек за окном. Анна провела пальцем по глянцевой поверхности снимка и улыбнулась, чувствуя, как в груди разливается тёплая волна благодарности за всё, что они пережили вместе.

Когда-то именно она убедила Максима не бросать затею с бизнесом, когда дела шли совсем плохо и он был готов сдаться. Она вложила в его дело наследство, оставленное матерью, — деньги, которые предназначались для её собственной студии интерьерного дизайна, той самой мечты, от которой она отказалась ради того, чтобы у мужа всё получилось. Анна никогда не жалела об этом. Ей казалось, что настоящая любовь измеряется не только счастливыми днями, но и готовностью отдать последнее, когда человеку рядом тяжело. Она

верила, что их отношения — это не просто союз двух людей, а нечто большее, что требует терпения, мудрости и умения прощать.

Последние полгода Максим изменился. Сначала это были мелочи, на которые Анна старалась не обращать внимания: задержки на работе, которые становились всё более частыми, телефон, который он теперь всегда носил с собой, даже когда шёл на кухню за стаканом воды, и странная раздражительность, вспыхивавшая из-за любого вопроса. Он стал реже смотреть ей в глаза и всё чаще повторял, что у него сложный период, что бизнес требует полной отдачи, что скоро всё наладится. Анна убеждала себя, что муж просто устал, что нагрузка действительно огромна, что после стольких лет брака невозможно постоянно жить в романтическом ожидании. Она научилась не задавать лишних вопросов и не требовать объяснений, когда он возвращался домой поздно и молча садился за ноутбук.

Но сегодня, в день их двенадцатой годовщины, она позволила себе немного больше надежды, чем обычно. Утром Максим поцеловал её в висок и сказал, что вечером они обязательно пойдут в тот самый ресторан, где когда-то праздновали свадьбу, и проведут время только вдвоём, без телефонов и деловых разговоров. Анна провела весь день в приятных хлопотах: выбрала платье, сделала укладку, даже купила новые духи с лёгким ароматом жасмина, которые, как ей казалось, ему понравятся. Она накрыла на стол, поставила в

вазу белые розы — его любимые, — и принялась ждать.

Семь часов вечера. Восемь. Девять. Максим не отвечал на звонки, сообщения оставались прочитанными, но без ответа. Анна ходила по гостиной, машинально поправляя подушки на диване и переставляя с места на место подсвечники, словно пытаясь обмануть собственное беспокойство. В десять она позвонила в офис — там никто не взял трубку. В половине одиннадцатого она написала ему короткое, почти жалобное сообщение: «Максим, где ты? Я жду». Ответа не последовало. В полночь, когда стрелки часов почти соединились на циферблате, её телефон вдруг ожил, но это был не звонок. Пришло сообщение с незнакомого номера — всего одна фотография, которая обрушилась на неё, как удар под дых.

На снимке Максим целовал молодую женщину возле входа в отель. Его рука лежала на её талии, а лицо выражало ту самую нежность, которую Анна привыкла видеть только в свой адрес. Фотография была сделана при свете уличных фонарей, но качество оказалось достаточно чётким, чтобы Анна без труда узнала и его пиджак — тот самый, серый в тонкую полоску, который она подарила ему на прошлый день рождения, — и её собственные колени подкосились. Следом пришло ещё одно сообщение, на этот раз текстовое, и каждая буква в нём впивалась в сознание, как осколок стекла: «Спроси у мужа, почему он собирается оставить тебя без дома».

Анна опустилась на пол прямо там, где стояла, прижимая телефон к груди, словно пытаясь защитить себя от того, что уже случилось. В голове билась единственная мысль: это ошибка, жестокая шутка, чей-то злой розыгрыш. Она ещё раз посмотрела на фотографию, надеясь найти доказательства подделки, но лицо Максима было слишком живым, слишком настоящим, чтобы сомневаться. А потом она заметила дату на снимке — три недели назад, тот самый день, когда он говорил, что уезжает в командировку в другой город. Анна вспомнила, как провожала его утром, как он поцеловал её в щёку и сказал, что вернётся через два дня. Она вспомнила, как ждала его звонка вечером, как он написал короткое «всё хорошо, ложусь спать», и как она поверила.

В этот момент в прихожей щёлкнул замок. Анна вздрогнула и подняла голову. Максим вошёл в дом, снимая на ходу пальто, и на его лице не было ни тени вины — только усталость и лёгкое раздражение, словно он возвращался не к жене, которая ждала его весь вечер, а с надоевшего совещания.

— Ты ещё не спишь? — спросил он, даже не взглянув на накрытый стол и увядшие розы. — Я же предупреждал, что сегодня будет поздно.

Анна медленно поднялась с пола, чувствуя, как немеют ноги. Она смотрела на него — на этого человека, с которым прожила двенадцать лет, которому отдала всё, что у неё было, — и не узнавала. В его глазах не было ни капли той нежности, что светилась на фотографии. Там была только при-

вычная маска усталого мужа, возвращающегося домой после долгого дня.

— Ты не предупреждал, — сказала она тихо, и собственный голос показался ей чужим. — Ты обещал, что мы проведём этот вечер вместе.

Максим поморщился, словно она напомнила ему о чём-то незначительном.

— Анна, давай не начинать. У меня был тяжёлый день. Я устал.

Она хотела показать ему фотографию, хотела закричать, потребовать объяснений, но вместо этого просто стояла и смотрела, как он проходит мимо неё в сторону спальни, даже не заметив, что она плачет. В этот момент Анна поняла, что измена — это не просто поцелуй с другой женщиной. Это ещё и равнодушие, с которым он прошёл мимо неё, словно она была частью интерьера, привычной мебелью, которую не нужно замечать. И где-то в глубине души, под слоем боли и унижения, стало просыпаться холодное, трезвое понимание: то сообщение было не просто жестокой шуткой. За ним стояло нечто большее, чем банальная неверность. И ей предстояло узнать, насколько глубоко простирается ложь человека, которого она любила за двоих.

Глава 2. Незнакомая женщина

Анна не помнила, как оказалась в постели. Помнила только, что всю ночь просидела на подоконнике в гостиной, при-

жавшись лбом к холодному стеклу, и смотрела, как за окном медленно гаснут огни соседних домов. Телефон она держала в руке, словно оружие, которое в любой момент может понадобиться, но звонить не решалась. Что она скажет? Что предъявит? Фотографию, снятую неизвестным человеком, да ещё и с таким посланием, от которого стыла кровь? Максим наверняка найдёт объяснение — он всегда умел говорить так, чтобы любая неудобная правда выглядела искажённой и преувеличенной. Анна слишком хорошо знала эту его способность: за годы брака она не раз ловила себя на том, что извиняется за то, в чём не была виновата, и просит прощения за чувства, которые имела полное право испытывать.

К утру она приняла решение. Не станет показывать снимок. Пока не поймёт, с чем имеет дело, пока не увидит его реакцию на простые, невинные вопросы. Если он действительно изменяет, то ложь проявится в мелочах — в том, как он будет избегать её взгляда, как станет отвечать на вопросы о командировке, как будет вести себя, когда она упомянет тот самый отель. Анна всегда гордилась своей интуицией, но сейчас она словно оглохла: внутри неё всё кричало, а она заставляла себя молчать и наблюдать.

Максим вышел из спальни около девяти, свежий, побритый, в белоснежной рубашке, от которой исходил лёгкий запах дорогого одеколона. Он выглядел так, будто ночью ничего не произошло, будто вчерашний вечер был обычным, ничем не примечательным днём. Анна стояла у плиты, маши-

нально помешивая кофе, который уже давно перестал быть горячим, и ждала, когда он заговорит первым.

— Доброе утро, — сказал Максим, подходя к ней сзади и легко целуя в макушку. — Ты чего такая напряжённая? Не спала?

Его губы коснулись её волос так привычно, так буднично, что Анна на секунду усомнилась в собственных выводах. Может, действительно показалось? Может, фотография — это чья-то жестокая шутка, а человек на снимке просто похож на её мужа? Но память услужливо подбросила детали: серый пиджак в тонкую полоску, родинка на левой руке, чуть выше запястья, та самая, которую она столько раз целовала. Нет, это был он. И сейчас он стоял рядом, спокойный и уверенный, и ждал, что она поверит в его невиновность так же легко, как верила всегда.

— Плохо спалось, — ответила Анна, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Ты вчера поздно вернулся.

— Я же говорил, у нас был сложный проект. Партнёры из Питера, переговоры затянулись до ночи. — Максим взял чашку из её рук, отпил глоток и поморщился. — Кофе остыл. Давай я сварю новый.

Он двигался по кухне легко и непринуждённо, доставал зёрна из шкафчика, включал кофемашину, и всё это время Анна наблюдала за ним, пытаясь найти хоть одну трещину в этой безупречной картине. Раньше она любила смотреть, как он хозяйничает на кухне: в эти минуты он казался ей

особенно домашним, настоящим, своим. Теперь же каждое его движение отдавало чем-то отрепетированным, словно он играл роль заботливого мужа перед невидимой камерой.

— Как прошла командировка? — спросила она, садясь за стол напротив него. — Ты почти не рассказывал.

Максим пожал плечами, не поднимая глаз от чашки.

— Как обычно. Встречи, документы, ужин с партнёрами. Ничего интересного.

— А отель? — Анна произнесла это как можно более небрежно, словно речь шла о чём-то незначительном. — Хороший попался?

На мгновение его рука замерла над чашкой. Всего на долю секунды, но Анна заметила это замедление, эту крошечную паузу, которую он поспешил заполнить словами.

— Обычный. Ничего особенного. Я почти не был в номере, всё время на встречах.

Он лгал. Анна чувствовала это каждой клеточкой своего тела, и от этого открытия ей стало трудно дышать. Двенадцать лет она доверяла ему безоговорочно, никогда не проверяла его телефон, не устраивала сцен ревности, не задавала неудобных вопросов. Она считала, что доверие — это фундамент, на котором держится всё остальное. И вот теперь этот фундамент рушился, а она стояла посреди обломков и пыталась понять, как жить дальше.

Максим ушёл на работу около десяти, поцеловав её на прощание в щёку — быстро, машинально, словно выполняя

обязательный ритуал. Анна закрыла за ним дверь и прислонилась к ней спиной, чувствуя, как к горлу подступает тошнота. Ей нужно было чем-то заняться, иначе она сошла бы с ума от бесконечных вопросов, на которые не находила ответов. И она начала искать.

Сначала — его пиджак. Тот самый, серый в тонкую полоску, который висел в прихожей на вешалке. Анна проверила карманы: сначала внешние, потом внутренние. В левом внутреннем кармане, рядом с сложенным носовым платком, она нащупала гладкий прямоугольник. Чек из отеля. Тот самый отель, где, по словам Максима, он почти не бывал. Анна развернула тонкую бумажку и почувствовала, как пол уходит из-под ног. В чеке значились два завтрака, включённых в стоимость номера, и номер люкс, который, судя по дате, был забронирован на две ночи. Максим говорил, что уезжает один. Максим говорил, что номер был обычный. Максим говорил, что почти не бывал в отеле. Каждое его слово теперь рассыпалось на осколки, и эти осколки впивались в неё, оставляя кровоточащие ранки.

Анна села на пол в прихожей, всё ещё сжимая чек в руке. Мысли путались, накладывались одна на другую, и в какой-то момент ей показалось, что она сходит с ума. Может, это она неправильно поняла? Может, второй завтрак был для делового партнёра? Может, люкс — это ошибка администратора? Но внутренний голос, тот самый, который она так старательно заглушала последние полгода, шептал ей совсем

другое. Он говорил, что она всё видела правильно, что все эти поздние возвращения, все эти выходные, проведённые «на работе», все эти странные звонки, которые он обрывал, стоило ей войти в комнату, складываются в одну картину. И картина эта была настолько безрадостной, что Анна впервые за долгое время позволила себе заплакать — по-настоящему, навзрыд, не сдерживаясь и не пытаясь казаться сильной.

Она плакала, пока не закончились слёзы, а потом умылась холодной водой и посмотрела на своё отражение в зеркале. Оттуда на неё смотрела женщина с покрасневшими глазами и плотно сжатыми губами. Женщина, которая двенадцать лет была уверена, что знает своего мужа. Женщина, которой только что стало известно, что она, возможно, никогда его не знала.

Анна вернулась в гостиную и ещё раз перечитала сообщение с незнакомого номера. «Спроси у мужа, почему он собирается оставить тебя без дома». Теперь эта фраза звучала не как злая шутка, а как предупреждение. Кто-то знал больше, чем она. Кто-то пытался открыть ей глаза. И Анна вдруг поняла, что измена — это лишь верхушка айсберга. Что-то более страшное скрывалось под водой, и ей предстояло выяснить, что именно.

Вечером Максим вернулся позже обычного, сославшись на срочную встречу. Анна к тому времени уже взяла себя в руки и даже приготовила ужин, хотя кусок не лез в горло. Она наблюдала за ним через стол, пытаясь понять, что про-

исходит в его голове. Он был спокоен, даже весел, рассказывал какую-то историю о коллеге, шутил, интересовался её планами на выходные. И это спокойствие пугало её больше, чем любая агрессия. Она знала, что человек, способный так убедительно лгать, способен на многое.

Когда он вышел в душ, Анна достала из его портфеля ежедневник. Она никогда раньше не рылась в его вещах, и от этого занятия её мутило, но другого пути не было. На странице, соответствующей дню командировки, значилась деловая встреча, назначенная на четыре часа дня. И больше ничего. Никаких записей о вечерних переговорах, никаких пометок о партнёрах из Питера. Только пустая страница и чек из отеля, который Анна теперь знала наизусть.

Она вернула ежедневник на место и выключила свет в гостиной. В темноте было легче думать. Анна сидела на диване, поджав ноги, и перебирала в памяти последние месяцы, пытаясь найти тот момент, когда всё пошло не так. Может, это случилось после того, как она отказалась от собственной студии? Или после того, как наследство матери растворилось в его бизнесе? Или ещё раньше, когда она впервые решила, что его интересы важнее её собственных?

Ответа не было. Была только боль, тихая и упорная, которая, как она понимала, никуда не денется. И было ещё одно чувство, странное и незнакомое, которое она сначала не могла распознать. Только потом, уже засыпая, Анна поняла, что это была решимость. Впервые за много лет она собиралась

сделать что-то не для него, не для семьи, не для сохранения мира. Она собиралась узнать правду. И, возможно, начать жить заново.

Глава 3. Я тебе не изменял

Анна ждала подходящего момента три дня, и эти три дня показались ей самыми долгими в жизни. Она ходила по дому, выполняла привычные обязанности, готовила ужины, отвечала на вопросы Максима о его расписании, и всё это время внутри неё росло холодное, тяжелое чувство, похожее на камень, который становился всё больше с каждым часом. Она перечитала сообщение с незнакомого номера десятки раз, выучила его наизусть, и каждый раз, когда произносила про себя эту фразу про дом, её охватывало странное, тревожное предчувствие, что за изменой скрывается нечто гораздо более серьёзное, чем просто увлечение другой женщиной.

Она выбрала вечер пятницы, когда Максим возвращался домой раньше обычного и обычно был в более мягком расположении духа. Анна дождалась, пока он поужинает, пока отставит тарелку и потянется за телефоном, и только тогда, собрав всю свою волю в кулак, положила перед ним на стол распечатанную фотографию. Максим взглянул на снимок, и его лицо на мгновение застыло, словно он пытался подобрать нужную маску, но не успел. Анна заметила это замешательство, заметила, как дёрнулся его кадык, как он быстро облизнул пересохшие губы, прежде чем поднять на неё глаза.

— Что это? — спросил он, и в его голосе прозвучало не удивление, а скорее осторожность, словно он уже знал ответ и теперь пытался понять, насколько она осведомлена.

— Это ты, — сказала Анна ровно, хотя внутри у неё всё дрожало. — И это не я. Три недели назад, когда ты говорил, что уехал в командировку.

Максим медленно отодвинул фотографию, словно она могла его обжечь, и откинулся на спинку стула. Его лицо приобрело то самое выражение, которое Анна видела много раз за годы брака, когда он собирался объяснить что-то сложное клиенту или уладить конфликт с партнёрами. Спокойное, уверенное, немного снисходительное, словно перед ним был человек, который просто не понимает очевидных вещей.

— Анна, — начал он, и в его голосе послышалась усталость, та самая усталость, которой он обычно прикрывался в последние месяцы, — ты серьёзно? Ты показываешь мне какую-то непонятную фотографию и уже готова сделать выводы?

— Это не какая-то фотография, — возразила она, чувствуя, как предательски дрожит её голос. — Это ты. В том самом пиджаке, который я тебе подарила. Возле отеля. Целуешь женщину.

Максим вздохнул, и этот вздох был полон такого искреннего, казалось бы, недоумения, что Анна на секунду усомнилась в собственных глазах.

— А ты не подумала о том, что фотографию можно подделать? Что кто-то мог специально отправить тебе это, чтобы разрушить нашу семью? — Он подался вперёд, и его голос стал мягче, почти ласковым. — Анна, посмотри на меня. Ты правда веришь, что я способен на такое?

Она смотрела на него и не узнавала. Этот человек, с честными глазами и убедительными доводами, был совсем не тем Максимом, который ночами не отвечал на звонки, который прятал телефон и срывался из-за любого вопроса. Или, может быть, он был тем самым Максимом, только теперь она видела его настоящего, без той маски, которую он носил годами.

— Я не знаю, чему верить, — призналась Анна, и это была правда, потому что сомнение, которое он так умело в неё посеял, уже пустило корни. — Но я знаю, что в твоём пиджаке был чек из отеля. За два завтрака и люкс. Ты говорил, что был один и почти не бывал в номере.

На этот раз его лицо действительно изменилось. Что-то мелькнуло в глазах, что-то тёмное и быстрое, и Анна поняла, что попала в цель. Но Максим быстро справился с собой, и его голос снова стал ровным и мягким.

— Так вот в чём дело, — произнёс он с лёгкой улыбкой, которая не коснулась его глаз. — Ты рылась в моих вещах. Анна, это уже за гранью. Ты понимаешь, что ты делаешь? Ты превращаешь наш дом в какой-то следственный отдел, а меня — в подозреваемого. Тебе не кажется, что это ненор-

мально?

— Ненормально то, что ты мне врёшь, — ответила она, и голос её дрогнул. — Я двенадцать лет тебе доверяла, Максим. Я отдала тебе всё, что у меня было. А теперь ты смотришь на меня так, будто я сама во всём виновата.

Он встал из-за стола и подошёл к ней, и Анна инстинктивно отшатнулась, хотя он всего лишь хотел положить руку ей на плечо. Его прикосновение, обычно успокаивающее, теперь казалось чужим и неприятным.

— Ты не виновата, — сказал он тихо, и в его голосе прозвучала такая знакомая, такая привычная нежность, что Анна почти поверила ему. — Но ты и не права. Ты позволяешь каким-то неизвестным людям настраивать тебя против меня. Подумай сама: кому это выгодно? Кто мог отправить тебе эту фотографию? Может быть, это кто-то из конкурентов, кто хочет разрушить мою компанию через тебя?

Анна слушала его и чувствовала, как её собственная уверенность тает, как снег под весенним солнцем. Он умел говорить, умел убеждать, и сейчас он использовал против неё все свои навыки, всё то обаяние, которое когда-то покорило её. И самое страшное было в том, что часть её хотела поверить. Хотела, чтобы он оказался прав, чтобы фотография была подделкой, чтобы весь этот кошмар закончился и вернулось прежнее спокойствие.

Но что-то внутри неё сопротивлялось. Может быть, та самая интуиция, которую она так долго заглушала. Может

быть, память о чеке, который она держала в руках. Может быть, фраза про дом, которая не давала ей покоя.

— Тогда объясни мне, — сказала она, и в её голосе появилась неожиданная твёрдость, — что ты делал в том отеле. С кем. И почему в чеке два завтрака.

Максим убрал руку с её плеча и отошёл к окну. Несколько секунд он стоял молча, глядя на улицу, и его спина, обычно прямая и уверенная, сейчас казалась напряжённой. Когда он заговорил, голос его был ровным, но в нём появилась новая нотка, которую Анна не могла определить.

— Это была деловая встреча, — сказал он, не оборачиваясь. — Женщина, которую ты видела на фотографии, — партнёр по сделке. Она прилетела из другого города, и я помог ей с размещением. Вот и всё. Второй завтрак был для неё. Я не обязан отчитываться перед тобой за каждую минуту своей жизни.

— Тогда почему ты не рассказал мне об этом сразу? — спросила Анна. — Почему сказал, что был один?

Он повернулся к ней, и его лицо снова стало спокойным и немного печальным, словно он сожалел о том, что ей приходится задавать такие вопросы.

— Потому что я знал, как ты отреагируешь. Как ты реагируешь сейчас. Ты всегда была ревнивой, Анна, хотя старалась это скрывать. Я не хотел, чтобы ты волновалась из-за пустяка.

Это было сказано так мягко, так заботливо, что Анна по-

чти почувствовала себя виноватой. Почти. Но что-то в его словах царапнуло её, какая-то фальшивая нота, которая не давала ей успокоиться.

— Я не ревнивая, — сказала она тихо. — Я просто хочу знать правду.

Максим подошёл к ней и взял её руки в свои. Его ладони были тёплыми, и это тепло всегда успокаивало её, всегда возвращало чувство безопасности. Но сейчас оно не помогало.

— Правда в том, — сказал он, глядя ей прямо в глаза, — что я люблю тебя. Что я никогда не изменял тебе и не собираюсь. А эта фотография — чья-то грязная игра. И ты должна мне помочь разобраться, кто это сделал, а не обвинять меня.

Анна смотрела на него и чувствовала, как внутри неё борются два чувства. Одно говорило: поверь ему, он твой муж, он всегда был рядом, ты знаешь его двенадцать лет. Другое шептало: что-то не так. Что-то не сходится. Слишком гладко, слишком убедительно, слишком похоже на хорошо отрепетированный спектакль.

— Хорошо, — сказала она наконец, и это слово далось ей с трудом. — Хорошо. Я попробую поверить тебе.

Максим улыбнулся, и его улыбка была такой искренней, такой знакомой, что Анна почти поверила в собственное решение. Он обнял её, прижал к себе, и она почувствовала, как напряжение уходит из его тела. Но её собственное напряжение никуда не делось. Оно осталось где-то глубоко внутри,

свернувшись клубком, готовое проснуться в любой момент.

После того как Максим ушёл в кабинет, сославшись на работу, Анна осталась на кухне. Она убрала со стола тарелки, вымыла чашки, и всё это время её руки двигались автоматически, а мысли продолжали кружиться вокруг одного и того же. Что-то было не так. Что-то она упускала.

И тут ей в голову пришла мысль, от которой стало холодно. Она вспомнила, как Максим говорил о женщине на фотографии — «партнёр по сделке». В его голосе не было ни капли смущения, ни капли той неловкости, которая обычно появляется, когда человек говорит о чём-то, что его действительно смущает. Он был слишком спокоен. Слишком уверен.

Анна вытерла руки полотенцем и прошла в гостиную. Она знала, что Максим оставил телефон на журнальном столике, когда пошёл в кабинет, — он всегда так делал, когда работал с ноутбуком. Телефон лежал экраном вверх, и Анна, поколебавшись секунду, взяла его в руки. Она никогда не проверяла его сообщения. Никогда. Но сейчас всё изменилось.

Экран загорелся, и она увидела, что для входа нужен пароль. Раньше он не был установлен. Анна попробовала дату их свадьбы — не подошло. Попробовала его день рождения — тоже нет. Она уже собиралась положить телефон обратно, когда заметила в верхней части экрана уведомление. Одно короткое сообщение, которое ещё не успело исчезнуть: «В. Л.: Завтра в то же время. Целую».

Анна поставила телефон на место и медленно опустилась на диван. В. Л. Виктория Ланская? Или кто-то другой? Она не знала. Но теперь у неё не оставалось сомнений. Всё то, что Максим говорил ей сегодня, всё его красноречие и убедительность — это была ложь. И эта ложь была гораздо глубже, чем она могла себе представить.

В этот вечер Анна легла спать раньше обычного, сославшись на головную боль. Максим пришёл в спальню позже, лёг рядом, и она слышала его ровное дыхание, чувствуя, как между ними разверзается пропасть. Он спал спокойно, этот человек, который только что разрушил её мир, и это спокойствие было страшнее любых слов. Анна лежала без сна, глядя в потолок, и в её голове снова и снова звучала фраза из сообщения: «Спроси у мужа, почему он собирается оставить тебя без дома».

Она больше не сомневалась. Измена была реальностью, но это было только начало. И завтра она собиралась выяснить, что скрывается за этими словами. Даже если для этого ей придётся перестать быть той послушной, доверчивой женой, которой она была все эти годы.

Глава 4. Чужой аромат

Утро субботы выдалось на удивление ясным, словно природа решила не знать о том, что творилось в душе Анны. Солнце заливало спальню тёплым золотистым светом, за окном пели птицы, и весь мир казался таким безмятежным, что

ей на секунду почудилось, будто вчерашний разговор был дурным сном. Но стоило ей повернуть голову и увидеть пустую половину кровати, как реальность обрушилась на неё с новой силой. Максим уже встал — или, может быть, не ложился вовсе, — и тишина в доме казалась зловещей.

Анна поднялась, надела халат и прошла на кухню. Максим сидел за столом с чашкой кофе и ноутбуком, и вид у него был самый что ни на есть деловой. Он поднял на неё глаза, улыбнулся — той самой улыбкой, которая раньше согревала её, а теперь казалась наклеенной, как ярлык на банке с просроченным товаром, — и вернулся к экрану.

— Доброе утро, — сказал он рассеянно. — Я сегодня поработаю дома, нужно закончить отчёт.

Анна кивнула и принялась готовить завтрак, стараясь не смотреть в его сторону. Руки двигались автоматически: она достала яйца, нарезала хлеб, поставила чайник, но все её мысли были заняты одним — как найти доказательства, которые невозможно будет опровергнуть. Вчерашнее сообщение от «В. Л.» жгло ей память, как раскалённый уголёк, и она твёрдо решила, что сегодня же выяснит, кто скрывается за этими инициалами.

После завтрака Максим ушёл в кабинет, а Анна начала уборку — не потому, что в доме было грязно, а потому, что ей нужно было чем-то занять руки, пока голова работала над совсем другими задачами. Она протирала полки в гостиной, когда её взгляд упал на небольшую коробочку, стоявшую за

книгами на нижней полке стеллажа. Коробочка была незнакомой — аккуратная, чёрная, с золотистым тиснением, какие обычно бывают у дорогих парфюмерных брендов. Анна взяла её в руки и открыла. Внутри лежал флакон духов, почти пустой, и тонкая цепочка с маленькой серьгой-подвеской, которая явно была парной, но второй серьги в коробке не оказалось.

Она стояла, держа коробочку в руках, и чувствовала, как внутри неё поднимается холодная волна. Эти духи она никогда не покупала и не видела у Максима. Эта серьга не принадлежала ей. И то, что коробка была спрятана за книгами, в месте, куда обычно не заглядывают, говорило само за себя. Анна глубоко вдохнула, пытаясь успокоиться, но запах духов — сладкий, с нотами ванили и сандала — уже въелся ей в память, как клеймо.

Она дождалась вечера, когда Максим вышел из кабинета, чтобы выпить чаю, и положила коробочку на стол перед ним. Он взглянул на неё, и на его лице промелькнуло что-то похожее на досаду, но он быстро взял себя в руки.

— Что это? — спросил он, хотя прекрасно знал ответ.

— Я хотела спросить у тебя, — сказала Анна, скрестив руки на груди, словно пытаясь защититься от собственных слов. — Чьи это вещи? И почему они спрятаны в нашей гостиной?

Максим взял коробочку, повертел её в руках, и его лицо приобрело то самое выражение снисходительного терпения,

которое она уже видела вчера и которое теперь вызывало у неё почти физическое отвращение.

— Это подарок для клиентки, — сказал он спокойно. — Я забыл, что оставил его здесь. Хотел передать через курьера, но вылетело из головы.

— Подарок для клиентки, — повторила Анна, и её голос прозвучал ровнее, чем она ожидала. — Духи и серьга. И ты хранишь это за книгами, чтобы я не нашла.

Максим отставил коробочку и посмотрел на неё с той самой усталой нежностью, которая всегда обезоруживала её.

— Анна, ну послушай себя. Ты превращаешь обычную рабочую ситуацию в трагедию. У меня есть клиенты, которым я делаю подарки. Это часть бизнеса, ничего больше. Ты же знаешь, как это бывает.

Она знала. Знала, что в деловом мире подарки — это норма, что партнёрам дарят дорогие вещи, что это часть этикета. Но одно дело — знать, и совсем другое — видеть, как твой муж прячет за книгами женские духи и одинокую серьгу, а потом смотрит тебе в глаза и говорит, что это просто бизнес.

— Тогда почему ты не рассказал мне об этом сразу? — спросила она, и в её голосе впервые за всё утро прозвучала твёрдость. — Почему я должна находить эти вещи случайно?

Максим вздохнул, и этот вздох был полон такого искреннего, казалось бы, сожаления, что Анна почти почувствовала себя виноватой в том, что вообще завела этот разговор.

— Потому что я знал, что ты не так поймёшь. Как сейчас.

Я не хотел, чтобы ты волновалась из-за ерунды.

Это было то же самое объяснение, что и вчера, и от этого повторения Анне стало по-настоящему страшно. Он не придумывал ничего нового, не пытался быть убедительнее — он просто повторял одну и ту же ложь, словно проверяя, сколько раз её можно скормить, прежде чем она перестанет работать. И самое ужасное было в том, что часть её всё ещё хотела верить. Хотела, чтобы это оказалось правдой, чтобы он снова стал тем Максимом, которого она любила.

Она ничего не ответила, просто взяла коробочку и ушла в спальню. Там она села на край кровати и позвонила Ирине. Подруга ответила после третьего гудка, и её голос звучал бодро и тепло, как всегда.

— Анна, привет! Ты куда пропала? Я звонила на неделе, ты не взяла трубку.

— Ира, — сказала Анна, и её голос дрогнул, — мне нужно с тобой поговорить. Срочно.

Она рассказала всё: и про фотографию, и про чек, и про разговор с Максимом, и про коробочку с духами. Ирина слушала молча, не перебивая, и когда Анна закончила, несколько секунд тишины показались ей вечностью.

— Знаешь, что я тебе скажу, — произнесла наконец Ирина, и в её голосе слышалась осторожность. — Я не хочу, чтобы ты принимала решения на эмоциях. Ты сейчас в таком состоянии, что любой пустяк кажется доказательством. Может быть, он действительно говорит правду? Может, это всё

совпадения?

— Три совпадения подряд? — спросила Анна, и в её голосе прозвучала горечь. — Фотография, чек, духи. И сообщение от какой-то «В. Л.».

— А что за «В. Л.? — насторожилась Ирина.

— Я не знаю. Но подозреваю, что это та самая женщина с фотографии.

Ирина помолчала, и Анна слышала, как она взвешивает слова, прежде чем их произнести.

— Анна, я тебя знаю много лет. Ты всегда была той, кто спасает отношения. Ты умеешь прощать так, как мало кто умеет. И я боюсь, что ты сейчас либо найдёшь доказательства и разрушишь семью, либо не найдёшь и будешь жить с этим грузом до конца дней. Подумай, готова ли ты к любому из этих вариантов.

Анна закрыла глаза и почувствовала, как по щеке скатилась слеза. Она не хотела думать о том, готова ли она. Она хотела знать правду, какой бы горькой она ни была.

— Я не могу больше жить в неведении, — сказала она тихо. — Я чувствую, что что-то не так. И я должна выяснить, что именно.

— Тогда будь осторожна, — ответила Ирина. — И не забывай, что я рядом. Что бы ни случилось.

После разговора с подругой Анна почувствовала себя немного лучше, но тревога никуда не ушла. Она ходила по дому, и её взгляд то и дело натыкался на вещи, которые рань-

ше казались обычными, а теперь приобретали новый, зловещий смысл. Вот его командировки по выходным, которые стали такими частыми в последние месяцы. Вот внезапные расходы, которые он объяснял деловыми нуждами. Вот привычка уходить в другую комнату, когда звонит телефон. Всё это было и раньше, но тогда она находила оправдания. Теперь оправдания закончились.

Вечером, когда Максим ушёл в душ, её телефон завибрировал. Анна взглянула на экран и увидела сообщение с незнакомого номера. Всего одна фраза, но от неё у Анны перехватило дыхание: «Меня зовут Виктория Ланская. Думаю, нам нужно встретиться. Я знаю о вашем муже то, чего не знаете вы».

Анна смотрела на экран, и её пальцы дрожали. Виктория Ланская. «В. Л.» Значит, это была она. Та самая женщина, которая целовалась с Максимом на фотографии, теперь сама предлагала встретиться. Анна не знала, чего ожидать от этой встречи, но понимала одно: отступать поздно. Она должна увидеть эту женщину. Должна услышать, что она скажет. Даже если правда окажется хуже, чем она предполагала.

Она набрала ответ, стараясь, чтобы руки не дрожали: «Где и когда?» Ответ пришёл почти мгновенно: «Завтра, в три часа дня, кафе "Терраса" на набережной. Приходите одна».

Анна сохранила сообщение и удалила переписку. Потом положила телефон на тумбочку и легла в постель, чувствуя, как внутри неё растёт странная смесь страха и решимости.

Завтра она встретится с женщиной, которая, возможно, разрушила её жизнь. И, может быть, узнает то, что изменит всё.

Глава 5. Она знала о тебе

Воскресенье тянулось медленно и мучительно, как затянувшаяся болезнь. Анна с утра сказала Максиму, что поедет к матери, и он воспринял это с таким облегчением, что ей стало почти смешно. Он даже предложил подвезти её, но она отказалась, сославшись на то, что хочет пройтись. На самом деле ей нужно было время, чтобы собраться с духом перед встречей, которая пугала её больше, чем она готова была признаться даже самой себе.

Кафе «Терраса» на набережной было одним из тех мест, где Анна никогда не бывала. Оно считалось модным и дорогим, с панорамными окнами и видом на реку, и в прежней жизни она прошла бы мимо, не заглянув. Теперь же, подходя к стеклянным дверям, она чувствовала себя чужой в этом мире, где всё было слишком гладким, слишком отполированным, слишком дорогим. Ей казалось, что каждый прохожий смотрит на неё и знает, куда и зачем она идёт.

Виктория Ланская сидела за столиком у окна. Она была моложе, чем Анна представляла, — лет тридцати, не больше, — с тёмными волосами, убранными в элегантный пучок, и тем самым лицом, которое на фотографии показалось Анне красивым, но не запоминающимся. Вблизи же оно оказалось живым и выразительным: большие карие глаза, чуть

насмешливая линия губ, лёгкий румянец, который мог быть и от косметики, и от волнения. На ней было простое, но явно дорогое платье, и Анна вдруг остро почувствовала, как неуместно выглядит в своей привычной серой кофте и джинсах.

— Анна? — Виктория поднялась ей навстречу, и в её голосе не было ни вызова, ни превосходства, только осторожность. — Спасибо, что пришли. Я не была уверена, что вы согласитесь.

Они сели друг напротив друга, и на несколько секунд повисла неловкая тишина. Анна не знала, с чего начать, и, судя по всему, Виктория тоже. Первой заговорила она.

— Я не собираюсь оправдываться и не собираюсь вас жалеть, — сказала Виктория, и её голос звучал ровно, почти деловито. — Я знаю, что вы обо мне думаете. И, наверное, имеете на это право. Но я позвала вас не для того, чтобы просить прощения. Я позвала вас, потому что считаю, что вы должны знать правду.

Анна смотрела на неё и чувствовала странную смесь эмоций. Эта женщина была той, кто целовал её мужа, той, кто, возможно, разрушил её семью. Но в её глазах не было торжества, не было той снисходительной жалости, которую Анна ожидала увидеть. Там было что-то другое — усталость, горечь и, может быть, страх.

— Тогда говорите, — сказала Анна, и собственный голос показался ей чужим. — Я слушаю.

Виктория сделала глоток воды и начала рассказывать. Они познакомились год назад на деловой встрече, где Виктория представляла интересы инвестиционной компании. Максим был обаятелен, уверен в себе, и она, как она выразилась, «попалась на ту же удочку, что и вы когда-то». Он говорил ей, что его брак давно превратился в формальность, что он живёт с женой только из чувства долга, что их связывает общий бизнес и ничего больше.

— Он говорил, что вы уже не вместе, — продолжала Виктория, и её голос становился всё более напряжённым. — Что вы просто живёте под одной крышей, потому что так удобнее. Что он ждёт подходящего момента, чтобы всё закончить.

Анна слушала и чувствовала, как внутри неё всё сжимается. Она вспомнила, как Максим приносил ей завтрак в постель, как целовал её в макушку, как называл своей девочкой. Неужели всё это было ложью? Или он говорил эти слова обеим женщинам, и каждая верила, что они предназначены только ей?

— Он обещал мне, что всё изменится, — сказала Виктория, и в её голосе впервые прозвучала горечь. — Что после сделки он всё уладит. Я ждала. Долго ждала. А потом поняла, что он просто тянет время. И тогда я решила, что должна узнать правду сама.

— И поэтому вы отправили мне ту фотографию? — спросила Анна, и её голос дрогнул.

Виктория кивнула.

— Я не горжусь этим. Но я не знала, как ещё до вас достучаться. Я думала, что вы должны увидеть его таким, какой он есть на самом деле.

Анна молчала, переваривая услышанное. Часть её хотела встать и уйти, хотела никогда больше не видеть эту женщину и не слышать её слов. Но другая часть понимала, что это её единственный шанс узнать правду. Настоящую правду, а не ту, которую ей преподносил Максим.

— Вы сказали, что знаете о моём муже то, чего не знаю я, — произнесла она наконец. — Что именно?

Виктория помолчала, словно собираясь с духом, и Анна заметила, как её пальцы, лежавшие на столе, слегка дрожат.

— Я не знаю всех деталей, — сказала она. — Но я знаю, что у него большие проблемы. Финансовые. Он скрывает их от вас, но я видела некоторые документы. И ещё... — она замялась, — он готовит какую-то сделку. Что-то, что должно изменить структуру его компании. И если это произойдёт, вы можете остаться ни с чем.

Анна почувствовала, как земля уходит из-под ног. «Спроси у мужа, почему он собирается оставить тебя без дома» — эти слова из первого сообщения вдруг обрели новый, зловещий смысл.

— Что вы имеете в виду? — спросила она, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Я не знаю точно, — призналась Виктория. — Но я слы-

шала, как он говорил по телефону о каких-то документах, о наследстве, о том, что всё уже почти готово. Он упоминал ваше имя. И ещё... — она посмотрела Анне прямо в глаза, — он говорил о каком-то Сергее, который должен был всё уладить, но теперь стал проблемой.

Анна сидела, не в силах вымолвить ни слова. В голове крутились обрывки мыслей, фразы из разговоров, которые она слышала краем уха, но не придавала им значения. Сергей. Финансовый директор компании. Тот самый, который несколько месяцев назад уволился по собственному желанию и уехал. Или не уехал?

— Зачем вы мне это рассказываете? — спросила она наконец, глядя на Викторию с подозрением. — Какая вам выгода от того, что я буду знать правду?

Виктория усмехнулась, и в этой усмешке было больше горечи, чем веселья.

— Я не святая, Анна. Я не притворяюсь жертвой. Но я тоже не хочу, чтобы меня использовали. Максим использовал меня, как использовал вас. И я устала быть пешкой в его игре.

Она достала из сумочки тонкую папку и положила её на стол перед Анной.

— Здесь копии некоторых документов, которые я смогла получить. Не спрашивайте как. Я не знаю, что они значат, но, думаю, вы разберётесь лучше меня.

Анна взяла папку, чувствуя, как её пальцы дрожат. Она не

открыла её сразу — не хотела делать это при Виктории. Но она уже понимала, что держит в руках что-то важное. Что-то, что может изменить всё.

— Я не знаю, что мне с этим делать, — призналась она.

— Начните с того, что перестанете верить его словам, — сказала Виктория, поднимаясь. — И найдите хорошего юриста. Потому что, если то, что я слышала, правда, вам понадобится помощь.

Она уже собиралась уходить, когда Анна окликнула её:

— Виктория. Вы его любите?

Та обернулась, и на её лице промелькнуло что-то похожее на растерянность. Она молчала несколько секунд, словно взвешивая ответ.

— Я думала, что да, — сказала она наконец. — Теперь уже не уверена. Иногда мне кажется, что я любила не его, а того человека, которым он притворялся. И это, наверное, самое страшное.

Она ушла, оставив Анну одну за столиком с папкой документов и чашкой остывшего кофе. Анна сидела, глядя в окно на серую воду реки, и чувствовала, как внутри неё что-то меняется. Боль никуда не ушла, но теперь к ней примешивалось что-то ещё — холодная, трезвая решимость. Она больше не позволит водить себя за нос. Она выяснит правду. Всю правду, до конца.

Она открыла папку и принялась читать. Первые несколько страниц были копиями банковских выписок с незнакомы-

ми счетами и переводами, которых она никогда не видела. Потом шли какие-то договоры, напечатанные мелким шрифтом, с подписями и печатями, и Анна, пробежав глазами по одной из страниц, наткнулась на свою фамилию. Её имя стояло в графе «согласовано», и рядом была подпись, которая, если присмотреться, была очень похожа на её собственную. Но Анна точно знала, что никогда не подписывала этот документ.

Она закрыла папку и прижала её к груди, словно пытаясь защитить себя от того, что только что увидела. Теперь у неё не оставалось сомнений. Максим не просто изменял ей. Он готовил что-то гораздо более серьёзное, и она, Анна, была частью этого плана — пешкой, которую он собирался использовать и выбросить. И если она хотела сохранить не только достоинство, но и хоть какую-то защиту, ей нужно было действовать. Немедленно.

Глава 6. Деньги, которых нет

Анна вернулась домой ближе к вечеру, и всю дорогу папка с документами лежала у неё на коленях, словно она боялась, что стоит выпустить её из рук — и всё это окажется иллюзией, мороком, плодом разыгравшегося воображения. Входная дверь открылась бесшумно, в доме было тихо, и Анна испытала странное облегчение от того, что Максима нет. Ей нужно было время, чтобы разобраться в бумагах, которые передала Виктория, и она не хотела, чтобы он застал её за этим

занятием.

Она прошла в спальню, заперла дверь — впервые за двенадцать лет совместной жизни она запиралась от собственного мужа, — и села на кровать, раскрыв папку на коленях. Документы были разрозненные, словно Виктория выхватывала их наугад, не имея возможности скопировать всё целиком. Банковские выписки, несколько страниц какого-то договора, копия письма без подписи, и везде — фамилии, даты, суммы, которые Анна видела впервые в жизни. Она читала медленно, вникая в каждую строчку, и постепенно перед ней начинала вырисовываться картина, от которой кровь стыла в жилах.

Речь шла о её наследстве. О тех самых деньгах, которые оставила ей мать и которые она, не задумываясь, вложила в бизнес Максима, когда тот только начинал. Анна всегда считала, что эти средства давно растворились в общем деле, стали частью компании, принесли свои плоды. Но из документов следовало совсем другое: деньги не просто были вложены — они были переведены через несколько фирм-посредников, зарегистрированных на неизвестных ей людей, а затем распределены по счетам, о существовании которых она не подозревала. Один из этих счетов был открыт на её имя, но Анна точно знала, что никогда его не открывала.

Она отложила бумаги и попыталась успокоиться. Может быть, она чего-то не понимает? Может быть, это стандартная бухгалтерская схема, о которой ей просто не рассказы-

вали, потому что считали излишним? Максим всегда говорил, что финансовые дела — это его территория, что ей не нужно вникать в детали, что он обо всём позаботится. И она верила. Верила так искренне, так безоговорочно, что даже не задумывалась о том, куда именно уходят деньги, которые она принесла в их общий дом.

Теперь же, глядя на эти цифры и даты, она чувствовала себя наивной дурочкой, которую годами водили за нос. И самое горькое было в том, что она сама позволила это сделать. Она так хотела верить в их общее будущее, так старалась быть хорошей женой, что перестала задавать вопросы. А когда вопросы всё-таки возникали, она сама же находила на них удобные ответы.

Максим вернулся поздно, когда Анна уже лежала в постели, притворяясь спящей. Она слышала, как он прошёл в ванную, как плескалась вода, как он тихо ругался, задев ногой дверь. Потом он лёг рядом, и она почувствовала его привычный запах — одеколон, мыло, что-то ещё, неуловимое, что всегда ассоциировалось у неё с домом. Раньше этот запах успокаивал, теперь же он вызывал тошноту.

Утром она решила действовать иначе. Не обвинять, не предъявлять документы, не устраивать сцен. Она задаст ему несколько простых вопросов о наследстве и посмотрит, как он отреагирует. Если он снова начнёт увиливать и говорить общими фразами, значит, Виктория была права. Если же он даст чёткие, внятные ответы, у неё появится хоть какая-то

надежда на то, что она ошибается.

— Максим, — начала она за завтраком, стараясь, чтобы голос звучал как можно более буднично, — я тут вспомнила про мамино наследство. Ты можешь мне напомнить, как именно оно было оформлено? Я хочу понять, на что я могу рассчитывать.

Он поднял на неё глаза, и на его лице промелькнула тень — всего на мгновение, но Анна успела заметить. Потом он улыбнулся, той самой спокойной улыбкой, которая всегда означала, что он готов объяснить что-то сложное непонятливой собеседнице.

— Анна, зачем тебе это? — спросил он мягко. — Ты же знаешь, что я всем занимаюсь. Твои деньги работают на тебя, поверь мне.

— Я не сомневаюсь, что они работают, — ответила она, не отводя взгляда. — Но я хочу понимать, как именно. Мне нужно знать, что происходит с тем, что оставила мне мама.

Максим отставил чашку и посмотрел на неё внимательнее, словно пытаясь понять, откуда взялись эти вопросы. В его глазах читалась настороженность, которую он тщетно пытался скрыть за выражением терпеливой заботы.

— Это долгая история, — сказал он. — Там была сложная схема, потому что мы хотели минимизировать налоги и защитить активы. Ты же понимаешь, в бизнесе нельзя просто взять и положить деньги на счёт. Нужны определённые структуры, посредники, договоры.

— Тогда покажи мне эти договоры, — попросила Анна, и её голос прозвучал твёрже, чем она ожидала. — Я хочу видеть все документы. Полную отчётность.

Максим помолчал, и Анна заметила, как напряглись его плечи, как он машинально провёл рукой по волосам — жест, который появлялся у него всегда, когда он нервничал. Раньше она не придавала этому значения, теперь же запоминала каждую деталь.

— Хорошо, — сказал он наконец, и в его голосе послышалась уступка. — Я подготовлю всё и покажу тебе. Но дай мне немного времени, хорошо? Сейчас у меня сложный период, ты же знаешь.

Она знала. Последние полгода у него был сплошной «сложный период». И раньше она принимала это как должное, старалась не мешать, не задавать лишних вопросов, поддерживать. Теперь же она понимала, что за этими словами скрывается не усталость и не желание защитить её от лишних забот. За ними скрывалась ложь.

— Хорошо, — сказала она, поднимаясь из-за стола. — Я подожду.

Она ушла в гостиную, оставив его на кухне, и там, стоя у окна, почувствовала, как к горлу подступают слёзы. Она не хотела плакать. Не хотела давать ему повод думать, что с ней что-то не так. Но сдержаться было трудно. Всё, во что она верила, всё, что было фундаментом её жизни, рушилось у неё на глазах, и она не знала, как это остановить.

Днём, когда Максим уехал в офис, Анна вернулась к документам. Она разложила их на кровати, как пасьянс, и принялась сопоставлять даты, суммы, фамилии. Ей не хватало знаний, не хватало опыта в финансовых вопросах, но она была упрямой — качество, которое всегда помогало ей в жизни, даже когда она сама не отдавала себе в этом отчёта. Постепенно она начала видеть закономерность: деньги уходили со счёта, открытого на её имя, на счета фирм, которые потом перечисляли их дальше, и конечный получатель терялся где-то в лабиринте переводов. Одна из фирм, как она заметила, была зарегистрирована на человека по фамилии Громов. Павел Громов. Она знала это имя — Максим не раз упоминал своего делового партнёра.

Анна отложила бумаги и задумалась. Павел Громов. Она видела его несколько раз на корпоративных мероприятиях — высокий, уверенный мужчина с цепким взглядом, который всегда держался чуть в стороне, словно наблюдая за всем со стороны. Максим говорил, что они вместе начинали, что Павел — надёжный партнёр и хороший друг. Неужели он тоже часть этой схемы?

Она уже собиралась убрать документы обратно в папку, когда её взгляд упал на страницу, которую она до этого пропустила. Это была копия какого-то соглашения, датированная прошлым годом. Анна пробежала глазами по тексту, и её сердце пропустило удар. Речь шла о передаче доли в компании — её доли, той самой, которая осталась от наслед-

ства. Внизу стояла подпись, и, хотя копия была нечёткой, Анна узнала её. Это была её собственная подпись. Или что-то очень на неё похожее.

Она никогда не подписывала этот документ. Никогда его не видела. Но подпись была её. И дата стояла та самая, когда она, по всем своим воспоминаниям, находилась в другом городе — навещала мать, которая тогда ещё была жива.

Анна отложила бумагу и посмотрела на свои руки. Они дрожали. В голове билась одна мысль: если это правда, если кто-то действительно подделал её подпись, то она не просто обманутая жена. Она — невольная участница чего-то такого, что может иметь очень серьёзные последствия. И теперь ей нужно было понять, кто именно стоит за этим и что ей делать дальше.

Она собрала документы, спрятала папку в шкаф, за стопку старых свитеров, которые давно не носила, и вернулась в гостиную. В окно она увидела, как к дому подъезжает машина Максима. Он вернулся раньше обычного. Анна глубоко вдохнула, пытаясь успокоить колотящееся сердце, и надела на лицо привычное выражение спокойствия. Она ещё не готова была к открытому противостоянию. Но она уже знала: это только вопрос времени.

Глава 7. Последнее доказательство

Анна ждала возвращения Максима с той особой собранностью, которая появляется у человека, готового к бою, но

ещё не знающего, с какой стороны последует удар. Она сидела в гостиной с книгой в руках, хотя не прочитала ни строчки, и когда в прихожей щёлкнул замок, заставила себя не вздрогнуть, не поднять глаз, не выдать того напряжения, которое сковывало каждую её мышцу. Максим прошёл мимо, бросил на неё быстрый взгляд и, не сказав ни слова, направился в кабинет. Дверь за ним закрылась, и Анна наконец позволила себе выдохнуть.

Она дала ему полчаса. Потом поднялась, прошла по коридору и остановилась у двери кабинета, прислушиваясь. Внутри было тихо, только изредка поскрипывало кресло, да позвякивала ложечка о чашку — он пил свой вечерний чай, как обычно, словно ничего не произошло, словно мир не рушился у них под ногами. Анна постучала и, не дожидаясь ответа, вошла.

Максим сидел за столом, разложив перед собой бумаги, и при её появлении поднял голову с выражением лёгкого раздражения, которое тут же сменилось привычной маской доброжелательности. Он откинулся в кресле и жестом пригласил её сесть, но Анна осталась стоять.

— Максим, — начала она, и голос её звучал ровно, почти холодно, — я хочу вернуться к нашему утреннему разговору. Ты обещал показать мне документы по наследству.

Он вздохнул, и в этом вздохе было столько показной усталости, что Анна едва сдержалась, чтобы не поморщиться.

— Анна, я же сказал, что подготовлю всё. Дай мне немно-

го времени. Сейчас у меня действительно сложный период, и я не могу разбрасываться...

— Я не прошу тебя разбрасываться, — перебила она, и сама удивилась тому, как твёрдо прозвучали её слова. — Я прошу показать мне документы, которые касаются моих денег. Моей доли. Того, что оставила мне мать. Это не должно занимать много времени.

Максим помолчал, и Анна увидела, как в его глазах мелькнуло что-то похожее на просчёт. Он оценивал ситуацию, взвешивал варианты, искал наиболее выгодный для себя выход — она почти физически ощущала, как работает его мысль, как он подбирает слова, которые должны были её успокоить.

— Хорошо, — сказал он наконец и поднялся из-за стола. — Хорошо. Если ты так хочешь, я покажу тебе документы. Но не сегодня. Завтра. Я принесу всё из офиса, и мы вместе посмотрим. Договорились?

Анна кивнула. Она понимала, что он тянет время, что за эту ночь он успеет подготовиться, отобрать только те бумаги, которые покажут его в выгодном свете, убрать всё, что может вызвать вопросы. Но у неё не было выбора. Если она начнёт настаивать сейчас, он может заподозрить, что она знает больше, чем показывает, и тогда её преимущество — если оно вообще у неё было — исчезнет.

— Договорились, — сказала она и вышла из кабинета, чувствуя на себе его взгляд, острый и настороженный.

Ночью она почти не спала. Лежала рядом с Максимом, слушала его ровное дыхание и думала о том, что завтра ей предстоит сделать то, чего она никогда не делала раньше, — перейти от пассивного наблюдения к активным действиям. Она не знала, что именно найдут её пальцы в этих документах, но понимала одно: она должна быть готова к любому исходу.

Утром Максим уехал раньше обычного, пообещав вернуться с документами к обеду. Анна дождалась, пока его машина скроется за поворотом, и прошла в кабинет. Она знала, что не должна этого делать. Знала, что это вторжение в его личное пространство, что это нечестно, что так поступают только в плохих фильмах. Но она также знала, что честность давно перестала быть валютой в их отношениях, и если она хочет узнать правду, ей придётся действовать теми же методами, что и он.

На столе царил привычный беспорядок: бумаги, папки, какие-то счёта, ручки. Анна начала с ящиков. В верхнем, где обычно лежали канцелярские принадлежности, ничего интересного не было. Во втором, запертом на маленький ключ, который Максим, видимо, считал надёжным, она обнаружила несколько папок с документами. Первая была посвящена текущим проектам компании — ничего, что касалось бы её напрямую. Вторая содержала копии договоров с партнёрами, и Анна, пробежав их глазами, не нашла ничего подозрительного. Но третья, самая тонкая, заставила её замереть.

Внутри лежали документы, связанные с её наследством. Анна узнала некоторые из них — те самые, что показывала ей Виктория. Но здесь были и другие. Один из них особенно привлёк её внимание: соглашение о переводе средств с её личного счёта на счёт компании, оформленное от её имени. Анна вгляделась в подпись. Она была почти идеальной копией её собственной — та же манера выводить первую букву, тот же наклон, тот же росчерк в конце. Но это была не её рука. Она никогда не подписывала этот документ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.